

Опасные
удовольствия

Оксана Обухова

Плачу любые деньги

18+

Оксана Обухова

Плачу любые деньги

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Обухова О.

Плачу любые деньги / О. Обухова — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Третья книга сериала о Евдокии Землероевой. Когда-то новоявленная сыщица Евдокия ненароком выручила криминального авторитета, нынешнего бизнесмена Сашу-Мирона... и сразу посчитала его самым кошмарным человеком на свете. А позже постаралась вычеркнуть его из памяти. Не повезло. В погожий летний день осуществившийся кошмар из снов Евдокии возник на пороге ее офиса: Миронов предложил молоденькой сыщице расследовать ряд странных происшествий в его загородном доме. Понимая, что ссориться с подобным человеком — себе дороже, Евдокия едет в поместье Саши... Обложку подготовила Е. Ю. Шурлапова

Часть первая

МОНСТРЫ СЕМЬИ ПОКУПАЮТ?

– Плачу любые деньги.

Мизансцена из Ветхого Завета – змей-искуситель морочит голову Адаму с Евой (в антураже современного офиса). Недавно Дуся купила для релакса и украшения раскидистую лиану монстеру. Миронов сидел в кресле на фоне райски пышного куста, ассоциацию со змеем, скорее всего, вызвали не только обольстительные речи и куст, но и пятнисто поблескивающая полоска галстука, туфли из кожи питона.

Глубоко упрятанные под надбровные дуги темные глаза Саши-Мирона пронзали далеко не библейскую парочку детективов – ощутимо трусившую Евдокию Землероеву и бравого отставного полицейского Олега Паршина. Поза и взгляд посетителя демонстрировали: отказ, господа, не будет принят.

– Наше расписание определено на два ближайших месяца, – стараясь быть слегка равнодушным и незначительно учтивым, проговорил Олег. – Мы получили задаток, уже взяли на себя обязательства...

– Я должен повторить? – приподнимая бровь, перебил Миронов. И, вроде бы как делая одолжение тугодумам, проговорил членораздельно: – Мне. Нужна. Евдокия.

Под кожей Паршина на скулах заходили желваки. Господь свидетель, бывший капитан полиции старался быть корректным с бывшим (если они все же уходят в отставку) криминальным авторитетом Сашей-Мироном. Он выслушал предложение нынешнего бизнесмена, закончившееся соблазнительным посулом. Не перебивал. Не уточнял. Не намекал: куда ты, Саша, девочку собрался впутать?! Хотел съехать с темы вежливо, по-тихому.

Не получилось.

Поскольку не на того нарвался.

Александр Миронов не принимал отказов.

Или действительно приперло.

Существенно струхнувшая Евдокия секунд десять наблюдала, как мужики играют взглядами и желваками на скулах.

Предполагая сделать брейк, Дуся тихонечко сказала «кхм». За дверью офиса остались громадные охранники Мирона, ежели Олег не выдержит и они с клиентом сойдутся врукопашную... Монстеру жалко. Поломают битюги новенькое деревце.

Ну и Паршину достанется, что немаловажно. Он только недавно зубы ремонтировал.

Миронов медленно отвел взгляд от капитана, тягуче, выжидательно взглянул на кхыкающую Дусю...

У той, что называется, в зобу дыхание сперло. И язык превратился в дольку подзавявшей докторской колбасы. По правде говоря, Евдокия напрочь забыла отчество Миронова, а тот, входя, не представился – все знают, кто пришел. Обращаться же по имени к подобным дяденькам...

– Я рад, что мы пришли к согласию, – самоуверенно проговорил авторитет, истолковав молчание Евдокии как знак доброй воли. Неловко, левой рукой нашарил в кармане визитку и положил ее на письменный стол, ближе к скромно молчаливой Дусе.

Паршин на визитку даже не взглянул.

– Никакого согласия не будет, – проговорил тихо. Набычился.

И Дуся снова испугалась за новые дерево и зубы. Быстро считала Сашины данные с прямоугольной картонки:

– Александр Сергеевич, минуточку, мы вроде бы действительно еще ни о чем не договаривались... У нас есть клиент, мы перед ним...

– Сейчас, как мне кажется, вы передо мной, – весомо прервал Дусино бляение Миронов. – Я что-то непонятное здесь сказал? Мне нужна ваша помощь, Евдокия. Господин Паршин волен заниматься прежней клиентурой... или чем там ему угодно... В его услугах я не нуждаюсь.

У любого стороннего наблюдателя прилично одетый господин с культурной речью навряд ли вызвал бы ассоциацию со зловредным аспидом. Пришел галантерейный господин в офис детективного агентства, проговорил шикарные условия, работу предложил – радуйтесь, господа сыщики, бубновый туз вам лег!

Но денежное предложение не завладело Дусиным вниманием даже на одно мгновение – затряслись поджилки. Несколько раз Миронов Саша приходил к ней в страшных снах, и худшего кошмара не представить: дьявольски мстительная изобретательность Мирона девять месяцев назад произвела на Евдокию впечатление осуществленной жути с полотен Босха.

Никому и ни за что Землероева не посоветовала бы хоть краешком связаться с Сашей. Никому и ни за что! Ни за какие деньги и посулы. Есть люди, при виде которых надо быстро перейти на другую сторону улицы и затеряться в толпе.

Девять месяцев назад, в конце прошлого августа, Евдокия без всякого преувеличения, по самому гамбургскому счету, спасла авторитету жизнь – Александра Сергеевича замыслила убить любовница. Паршин тогда мечтательно сказал: «А может быть, зря мы, ребята, расстарались, туда Саше и дорога», но без живого Мирона было не обойтись, его уберегли ради другого человека – Льва Ефремовича Зубова, чьей женой была любовница Александра Сергеевича. И именно на ней, в присутствии Евдокии, Мирон показал, как может быть ужасающе жесток. Он мог бы убить Берту, и Евдокии показалось, что женщина предпочла бы смерть. Но любовник изверски выбрал для молодой роскошной светской львицы иную участь. Он попросту подарил ее двум сексуальным садистам, братьям Юнусу и Рустаму. Те владели зачуханным шалманом в районе Южного порта. Берту держали в подсобке, и жена олигарха Зубова мыла там полы и посуду днем, а ночью...

Лучше не представлять, не думать.

Убежать от Юнуса и Рустама бывшей любовнице Мирона не удалось. После первой попытки, как и обещал Мирон, ей что-то там отрезали. Будучи пойманной во второй раз, Берта предпочла повеситься в кладовке забегаловки.

Все это Дусе рассказал сын Льва Ефремовича Зубова Илья, с которым Евдокия подружилась прошлым летом, попутно помогла восстановить отношения с любимой женщиной – Кирой. Во время того разговора Илью, прямо скажем, существенно потряхивало, приятель растерянно разводил руками и головой крутил: «Я ведь, Дуся, поговорил с отцом, попросил его за Берту перед Мироновым вступить... Миронов обещал отпустить Берту на все четыре стороны. Но почему-то после Нового года, вроде как прощальный подарок сделать...»

Не успел Саша с подарком, задержался. Получилось: приговорил любовницу к смерти через повешение. Подобные ему судьи не принимают кассации и не дают амнистий.

Примерно с неделю Дуся ходила под впечатлением рассказа Ильи. Никак не могла отделаться от мыслей о том, что заставило Берту ползть в петлю, пару раз всплакнула по женщине, натворившей достаточно зла...

И вот кошмар из ее снов предстал воочию. Расселся под монстерой, правую руку плащом прикрыл, и Дусе постоянно чудилось, что под плащом упрятан пистолет. Или стилет. Или граната. Или... Да все что угодно и вряд ли полезное для жизни.

Почти не скрывая страха, Евдокия стерегла каждый жест кошмарного клиента. Ловила взгляды, перепады в настроении и тоне разговора... Боялась – до смерти! И это не фигура речи. Атмосфера в офисе сгустилась, хоть режь ее ножом, дели на дольки и продавай любителям суицидов и готики.

Паршин, по сию пору рефлексирующий из-за того, что девять месяцев назад был вынужден отправить Дусю без прикрытия к Мирону, смотрел на Сашу волком. Тот в долгу не оста-

вался – антагонизм служителя закона и отпетого рецидивиста диктовал условия переговоров, и никуда от этого не деться. При взгляде на бывшего капитана у Мирона невольно раздувались ноздри, Паршин играл скулами и уже совершенно не скрывал, что всяческих авторитетов на дух не переносит.

Почему Миронов пришел в офис бывшего полицейского капитана, Дуся не могла понять, даже подключив все резервы богатейшей фантазии. В Москве хватает частных сыщиков, никогда не служивших в полиции или сроднившихся с криминалом до полного согласия и нежной дружбы. Денег у Мирона – куры не клюют. Неужто он не смог найти в столице сыскаря, больше отвечающего его понятиям?! Паршин до сих пор остается стопроцентным ментом! Ведь видно: все расспросы Паршина Мирону – как серпом по сердцу! Авторитет, сотни часов проведенный на допросах таких вот стопроцентных капитанов, на любое слово реагирует каждой клеточкой битой шкуры и все еще не может четко определиться по цели визита. Втолковывает только внятно и размеренно «мне нужна Евдокия», а зачем и почему – не может (или не собирается) вслух произнести.

Странная ситуация все больше запутывалась. Мирон не хочет, не может, не желает просить мента о помощи и требует отрядить ему Евдокию Землероеву. Олег не собирается никого никуда отгружать ни за какие деньги.

Тупик.

– Александр Сергеевич, – заметив, как сжались кулаки Паршина, быстро проговорила Дуся, – вы не могли бы добавить конкретики в ваше предложение...

Набычившийся Паршин развернулся к заговорившей Евдокии всем телом. Зло на Сашу в глазах не успело потухнуть – Дусю рикошетом обожгло.

– Тихо, Олег, тихо, – скороговоркой застрочила Землероева, – дай Александру Сергеевичу высказаться...

Сергеевич, как будто не заметив, какого накала достигают страсти, подбросил дров в костер:

– Здесь я не буду ничего высказывать.

Евдокия поперхнулась воздухом и немножечко зажмурилась.

Черт побери всех на свете бруталов!!! Неужели мужикам так трудно просечь ситуацию и повести себя руководствуясь разумом, а не под влиянием гормонального всплеска!

– Александр Сергеевич, – пряча обидные для мужского пола мысли, плаксиво забубнила Дуся, – ну что вы в самом деле... Вы же за помощью пришли, мы стараемся понять...

– Я ничего не стараюсь! – выбросил Олег.

– А тебя никто и не просит, – отчеканил Саша.

Вот и поговорили.

Дурь сплошная.

Может, Саше указать на выход и дать визитку знакомого детектива Барыкина? Тот вроде бы в КГБ шпионов, а не уголовников ловил?

– Я приехал к вам из больницы, – неожиданно заговорил Мирон и начал разматывать плащ на правой руке.

Перепуганная, еще не уловившая в криминальном воротиле перемены, Дуся стремительно шагнула к Олегу и на всякий случай закрыла командира телом.

Командир не понял, что его защищают, и удивленно покосился на помощницу. Паршин, по всей видимости, не заморачивался глупостями вроде упрятого под плащом оружия. Был отвлечен более существенными темами.

Из-под плаща тем временем показался совсем не пистолет или стилет, а некий уродливый кусок плоти багрово-черного цвета, отдаленно напоминающий кисть руки. Раздутые растопыренные пальцы торчали из огромной подушки ладони, Миронов даже поморщился от вида собственной руки.

– Вчера, дома, на меня произошло покушение. Кто-то подложил в машину гадюку. Я хочу узнать, кто это сделал.

После небольшой паузы Паршин неожиданно хмыкнул:

– Покушение, говоришь? Змея за палец тяпнула? – Ухмылка сыщика показывала, как несерьезно он относится к подобным посягательствам на жизнь. «Перебздел, Саша? – читалось за этой ухмылкой. – Не из пистолета же, не из гранатомета по тебе шмальнули». – Так это, Александр Сергеевич, не к нам. Вам бы в отделение полиции прогуляться. Мы расследованием серьезных преступлений не занимаемся.

Сарказм, прозвучавший в голосе сыщика, сделал взгляд Мирона неподъемно тяжелым.

– Послушай, мент, – проскрежетал авторитет, – у тебя семья есть?

Олег мгновенно подобрался, вопрос расшифровал как знак угрозы:

– Ты, Саша, ничего не попутал?

– Олег!

Звонкий выкрик Дуси не дал Паршину продолжить, а Миронову ответить.

Вопрос изрядно мстительного воротилы тоже показался Евдокии намеком на некие неприятности для близких, последующие за отказом работать, но терять последнюю, крохотную надежду на мирное разрешение вопроса она не хотела. Пока ведутся переговоры, пока летят слова, а не оплеухи, надо резво шевелить ушами. Не дать мужикам схлестнуться окончательно.

– Причем здесь наши семьи? – проговорила четко, как смогла, изобразила насупленную, пристальную суровость.

– Ваши – ни при чем, – так же четко произнес Мирон, но Дуся побоялась поверить ему до конца. – Я говорю о своей семье. Территория вокруг моего дома хорошо охраняется, незаметно подложить гадюку в автомобильный ящик, где хранятся бокалы, мог только свой человек. – Саша тягуче поглядел на Паршина, пожевал губами и вернулся к первому вопросу: – Вот скажи мне, сыщик, если бы в твоей семье начали твориться непонятки, ты бы побежал к ментам? Стал распинаться перед каждым встречным?

Паршин не ответил сразу, а Мирон как будто поставил точку в разговоре. Безучастно разглядывая Паршина, он откинулся на спинку кресла, руку бережно на колени пристроил. Под плащ распухшую кисть не упрятал, на виду оставил. Но вряд ли чтобы пожалели. Проветривал, скорее всего.

– В доме еще что-то происходило? – мрачно поинтересовался сыщик.

Мирон пожал плечами и отвернулся – мол, я все сказал. Как ни был криминальный авторитет заинтересован в помощи конкретно Дуси Землероевой, распинаться перед упертым бывшим ментом он не собирался.

Но и не уходил.

Сидел, с показным равнодушием разглядывая улицу за окном, и с места не двигался.

У Дуси же от этого притворного безразличия вновь побежал мороз по коже. Как будто в кресле под монстерой не человек, а настороженная змея клубком свернулась. (Интересно, Саше в больнице укол противоядия сделали или так отпустили? Подобные ему типы собственным ядом до костей пропитаны, на препарате можно сэкономить.) Что, если вопрос о семье Олега все-таки был задан неспроста? Не для проформы, а по сути: осторожней, мент, с огнем играешь. С Мирона станется какую-нибудь подлянку-пакость сыщикам подкинуть. Он несогласия не терпит, подстроит что-нибудь, ходи потом к маме-папе в больницу.

– Александр Сергеевич... – слегка напыщенно, судя по всему готовясь отфутболить Сашу, с оттяжкой начал Паршин.

Фразу командира закончил второй номер – Дуся Землероева:

– Мы согласны. – Евдокия истово кивнула, на начальника старалась не смотреть, а за спиной скрестила пальцы, как делала когда-то в школе, если привирала.

– Я знал, что вы разумная девушка. – Миронов встал, посмотрел на часы. – Примерно до трех я буду занят... Но думаю, предварительно нам следует проговорить условия, ввести вас в курс дела... Может быть, пообедаем в моем ресторане, Евдокия? Вы помните, где он находится? За вами заехать?

– Мы еще ничего не решили, – упрямо выставляя подбородок, произнес Олег.

Мирон на него даже не взглянул, кивнул Евдокии – «я не прощаюсь» – и вышел.

У Дуси почему-то мгновенно сложилось впечатление, будто ее и командира развели, как двух детсадовцев на последний леденец. Абсолютно не страшая вербально, Мирон создал в офисе пугающую атмосферу одним своим присутствием, ловко выжал из Дуси согласие и был таков.

Первые пятнадцать минут из последовавших в офисе разборок, когда Паршин орал и топал ногами, можно опустить. Ничего занятного и нового там нет, ругался и обзывался Паршин примитивно, однобоко, в основном используя эпитет «дура ненормальная».

Эти же пятнадцать минут Евдокия притворялась пайнкой и изредка подкидывала реплики, которых командир, наверное, не слышал.

В итоге, когда начальство выдохлось, Дуся позволила себе развернуть ответные тезисы:

– Олег. Еще никто ни на что не согласился. Если ты не обратил внимания, Миронов даже задаток не оставил...

– Это потому, что я б его в лицо швырнул!

– Согласна, – покладисто кивнула Евдокия. – Александр Сергеевич неглупый человек.

– Это-то и настораживает, – фыркнул Паршин. – Больно он сегодня в адеквате был.

– Олег, ну послушай, я просто поеду, поговорю, может быть, смотаюсь на Миронову семью взглянуть и дам обратный ход. В первый раз, что ли?

Из небольшого личного опыта Землероева успела вывести: коль два брутала столкнулись лбами – разводи. Разводи подальше друг от друга, ставь в разные углы, чтоб даже на глаза не попадались. Так что внушительная крупница истины в ее поступке застряла.

Начальство так не думало, крупницы не заметило, изволило вернуться к ругани:

– Дуся, ты что, и вправду дура? Миронов привык получать то, что захотел. Ему по барабану твой «обратный ход», он из тебя выжмет...

– Я это заметила, – перебивая, кивнула Евдокия. – Но также я заметила, что он реально расстроен.

Пару месяцев назад на посиделках с Ильей и Кировой Зубовыми неожиданно возник разговор об Александре Сергеевиче. Илья рассказал, что тот после матримониально убийственного фиаско с Бертой решил возобновить отношения с первой женой. «Ходят слухи, что чуть ли не насильно Мирон ее и детей к себе перевез», – многозначительно насплетничал младший Зубов.

Дуся этому поверила тогда, а сейчас, испытав нешуточное атмосферное давление Александра Сергеевича, и вовсе подписалась бы под каждым словом – Александру Сергеевичу и пугать-то никого не надо. Достаточно молча посидеть перед человеком, тот добровольно куда прикажут пожитки соберет.

– Могу предположить, Олег, что у Мирона что-то не сложилось с родственниками, а рассказывать о неприятностях при тебе он элементарно постеснялся.

– Постеснялся? – фыркнул Паршин. – Мирон? Ты, Дуся, бредишь.

– А почему бы нет? Мирон привык браткам и конкурентам морды канифолить, с детьми и женой мордобои не проходят... Он, Паршин, как мне показалось, и вправду растерян.

– Ты его еще пожалей. У него клешня бо-бо.

– А может быть, я пожалею его детей, – раздумчиво проговорила Дуся. – Нетрудно подсчитать, его дочь и сын давно вышли из детсадовского возраста, не исключено, Мирон боится, что все непонятки их рук дело.

Олег нахмурился. Если обстоятельства сложились так, что Мирон подозревает в шалостях детишек... (Прислугу и охрану Саша наверняка уже подверг допросу и исключил из числа подозреваемых.) Становится понятным его визит. В прошлом году девочка Землероева продемонстрировала Саше смекалку, возможно, даже удивила.

Сейчас он пришел к ней за помощью. Евдокия примерно ровесница его детей, одного пола с женой – ей и карты в руки.

Ай да Дуся, ай да собачья дочь, кажется, права девчонка. Интуиция работает. Саша с детьми никогда дела не имел, перед женами на цыпочках не хаживал – что с ними делать, не знает, а отступить от принятого решения о совместном проживании не хочет. Не привык, когда что-то не по его выходит, нет у Саши обратного хода, комплектацией не предусмотрен.

– На встречу с Мироном я поеду вместе с тобой, – играя желваками и бурля гормонами, заявил детектив. – Там посмотрим, как можно увернуться...

Евдокия обошла письменный стол кругом и уперлась в него ладонями.

– Олег! Да неужели ты не понимаешь, что при тебе разговор опять не сложится! Не будет Мирон в твоём присутствии о неприятностях распинаться!

– А мне плевать, что он будет, а что нет! Пошел он к черту! Явился, клешню продемонстрировал, туману напустил... Ты хоть знаешь, Дуся, что несколько месяцев назад на Мирона реальное покушение было! Водителя и охранника автоматным свинцом наспиговали, Саша чудом жив остался!

– Не ори. Я слышала о покушении, все телеканалы в криминальных новостях машину-решето показывали.

– Тогда куда ты лезешь?! Бронежилет из себя изображать собралась?!

– Бронежилетов у Миронова и без меня хватает. Он с женой и детьми разобраться не может.

– Дура ненормальная! Он тебя использует, заставит сделать...

Евдокия схватила с вешалки куртку, не дослушала, о чем пытался толковать командир, и практически выбежала из кабинета.

Через тридцать секунд вернулась и цапнула со стола визитку Александра Сергеевича.

Своеобразно попрощалась:

– Не дрейфь, шеф, не кипятись, прорвемся.

Паршин скорчил кислую мину и махнул рукой. Успел узнать манеру Дуси: если что-то задумала, пока не залетит конкретно как кошка под самосвал, совета не послушает, о помощи не заикнется.

И очень часто, что удивительно, эта манера бывала оправданной. В подобных эскападах Олег подозревал специфическое проявление сестринской заботы – Евдокия оберегала командира от резких телодвижений, при возможности брала на себя принятие тяжелых для брутального мужика решений.

Наверное, думал Паршин, из Дуси получится отличная жена и мать. Об этом говорит стремление укрыть крылом, сберечь, сбежать, как та подраненная куропатка, и решать проблемы в максимальном удалении от родимого гнезда. Паршина уже почти перестала раздражать и обижать эта особенность подруги. Не драться же с ней, в самом деле?! Не привязывать к стулу с кляпом в зубах?! Пускай побеждает, подумает, авось отбрешется от Саши...

Упрямая, как сто чертей!

И очень, очень осторожная.

Лето не спешило радовать теплом. Прогулка по нежарким июньским улицам столицы немного выветрила из Дусиной головы оставленное Сашей впечатление. Испуг, вызванный вопросом о семье Олега, почти забылся; Евдокия заставляла себя поверить объяснению Мирона – тот имел в виду собственные семейные неприятности. Появилась даже мысль: «А может быть, я зря на воду дую? Не будет Саша нас наказывать за отказ сотрудничать. Прикинет хвост к носу, остынет, найдет другое решение...

А если не остынет? Если не найдет? Что, если Саша не невротик-параноик и в доме у него случится настоящая беда? Не будет ли он виноватить в этом неуступчивого Олега?.. Такие сумасброды-изуверы способны достать чужую дочку, даже если родители в разводе, а девочка с мамой давным-давно в Америке живет. Нет, я все сделала правильно. – Дуся вздохнула. – Надо хотя бы поговорить с Мироном и узнать – реальны ли его проблемы? Пока представляется малейшая возможность избежать неприятностей – стоит подстраховаться. От меня с разговора не убудет. А Паршину могут и ребра в подворотне поломать, чтоб был сговорчивей».

Неожиданно в Дусиных мозгах возник образ раненого, перемотанного бинтами командира. Она ему бульончики куриные в больницу доставляет, простынки перестилает, в лобик на прощание нежно целует... Олег ослаб и поцелую не противится... «Спасибо, Дуся, одна ты у меня осталась...»

Тьфу! Нашла о чем мечтать! Чтоб холостому командиру ребра поломали, а она его в лоб расцеловывала! Бульончики таскала.

Точно дура ненормальная.

Прошлогодний поход в ресторан Александра Сергеевича, используемый им еще и в качестве приватного офиса, Дуся запомнила, наверное, на веки вечные. Сегодня едва переступила его порог, почувствовала, как немного завибрировали внутренности, наплывом вернулась прошлогодня полуобморочная жуть и дико захотелось выскочить на улицу.

Назад! Под совсем не греющее солнце, под стылый ветер, к нормальным людям, торопливо пробегающим мимо невысокого крыльца.

Но наткнулась взглядом на звероподобного охранника, притормозила и подумала: «Саша нарочно по всей Москве таких страшилищ разыскивает, чтоб в похоронно-черные костюмы наряжать?!»

Охранник почему-то сразу опознал в Землероевой персону, ожидаемую боссом, расправил сложенные на причинном месте ладони и сделал приглашающий жест:

– Вас просят пройти в кабинет.

Евдокия шажками приличной девочки засемила в сторону уже знакомого коридорчика. По пути глянула в попавшееся зеркало: порядок, пышные русые кудри уложены в задорную короткую прическу, главная гордость – стройные ножки припрятаны в скромных, но дорожных брючках, глаза – шалют, немного выдают. Поблескивают зеленую, как у перепуганной кошки из кустов.

Дошла до предбанника, где вместо расфуфыренной красотки секретарши восседал за письменным столом еще один звероподобный орк. И застыла перед внушительной дверью из красного дерева.

Орк подумал, что девушка хоть и незрелая, но привередливая попалась. Отодрал задницу от кресла, обогнул секретарский стол и учтиво распахнул перед Дусей резную створку:

– Александр Сергеевич. К вам пришли.

Землероевой показалось, что тут надо бы добавить «с». Как в старые времена: «К вам пришли-с. Дуся-с. Собственной персоной-с». Сашин кабинет по-прежнему навевал киношные воспоминания о гангстерских боевиках, бутлегерах, о стародавних адвокатских конторах в лучших их традициях: обшивка стен из красного дерева, массивная мебель, тяжелые пор-

тьеры. Полумрак. Достаточно освещен только громадный, раскоряченный на гнутых ножках письменный стол.

Миронов за тем столом выглядел страшно занятым. Очки в тонкой золотой оправе достойно маскировали аспидскую сущность, интеллигентски облагораживали разбойную физиономию Александра Сергеевича. Не доведись Дусе узнать, кто перед ней таков, решила б однозначно – за плечами дяденьки не лагеря и пересылки, а несколько лет хорошего иностранного колледжа и практика в швейцарском банке.

Мельком взглянув на Землероеву, Саша снял здоровой рукой очки, крепко зажмурился, помассировал, потер пальцами переносицу.

– Очки надо менять, – пожаловался неожиданно. – Ни черта в них не вижу. Ты есть сильно хочешь?

Та-а-ак, с обращением на вы закончено, поняла Евдокия. Попав на свою территорию, Александр Сергеевич оставил политес за дверью ресторана и обратился к упрощенному варианту общения. Чего, впрочем, и следовало ожидать.

– Перекусила б. Маленько.

Миронов нажал на кнопку селектора и дал команду орку-«секретарше» изобразить перекус на две перосны в кабинете.

– Надо кое-что тебе показать, – пояснил Дусе. – Не хочу фотографиями в зале трясти, похаваем тут. Тет-а-тет.

Забавная смесь из иностранщины и фени произвела на Дусю впечатление. «Будто каплю «Шанели» накапали в щи», – пришла на ум строка из эпиграммы Гафта.

– Садись, – предложил Саша и, показывая пример, перешел из-за письменного стола за невысокий столик между двух диванов. – Поговорим.

На столике, видимо загодя приготовленная для беседы с сыщицей, лежала тощая кожаная папочка. Мирон, все так же устало щура глаза, раскрыл ее, достал несколько фотографий и протянул их Дусе:

– Моя семья. Брат, жена, дети. Теща.

К тому, что особо догадливые потенциальные клиенты приносят в офис детективного агентства пачки фотографий, Дуся давно привыкла – разговаривать предметно легче, если четко представляешь, о ком ведется речь. Миронов, как показалось Евдокии, фотографии либо выбирал не сам, а приказал привезти из дома первые попавшиеся, либо взял те, что случайно завалились в офисе. Не говорящие фотографии. Групповые и необъективные. Смесь из нужных и посторонних лиц.

Но некоторое представление все-таки получено. Дуся держала снимки в руках, Александр Сергеевич рассказывал:

– Семейю я перевез к себе в ноябре.

Довольно быстро уломал, сделала ремарку Евдокия.

– Сын Евгений в этом году школу заканчивает, дочь Анна закончила хореографическое училище, сейчас готовится к просмотру в... какой-то танцевальный коллектив, я точно не помню его название, что-то громкое, известное... Жена – Зося Казимировна. – Усмехнулся: – Только не дай бог Зосю по отчеству окликнуть. Ее в честь какой-то прабабки назвали, Зося считает, что вместе с Казимировной ее имя звучит... м-м... тяжеловато. – Вытянув левую руку далеко вперед, Миронов твердо ткнул пальцем в снимок: – Теща. Инесса. Ее тоже можно без отчества, она у нас Сигизмундовна.

Чуть позже Дуся узнала, что Александр Сергеевич прозвал тещу Лох-несское чудовище. Мирон тем временем хмыкнул.

– Они у меня, Дуся, того... ясновельможные пани. Мы с Зоськой в одном дворе росли, я у нее даже велосипед как-то стырил. Потом вернул, конечно, батя уши мне надрал. – Мирон

мечтательно смежил веки и прицокнул языком: – Видела б ты ее тогда... Зачетная девочка. Пианино-фортепьяно, прилизанные мальчики ноты таскают...

Довольно тривиальную историю о барышне и хулигане Дуся услышала позже, в достаточных подробностях и из других источников. Пока же немного удивилась, думая, как ясновельможная красотка умудрилась вляпаться в аспида по соседству?!

Мирон, пока Землероева молча недоумевала, успел похвастаться: жена Гнесинку с отличием закончила, во времена оные даже концертировала по задворкам союзного отечества...

– Александр Сергеевич, сколько времени вы с Зосей прожили врозь? – прервала Евдокия ушедшего в размытые воспоминания авторитета.

Миронов сосредоточился:

– Сколько?.. Первый раз мы развелись в восемьдесят девятом... Я тогда второй раз к «хозяину» попал, за хулиганку... Зося на развод подала. Откинулся быстро, вернулся. У нас уже Аня подрастала. Опять расписались. Чудовище, правда... Инесса то есть, моросить пыталась... Но – девяностые, кошельки пустые, куда б она делась. Женька родился. Вместе прожили до девяносто седьмого... Меня опять «приняли»... – Мирон пунктирно бегал по годам и отсидкам. – Пока на шконке парился, Зося снова на развод подала... Вышел по удо в две тысячи первом... То есть врозь прожили, получается, лет пятнадцать. Да. Когда меня в девяносто седьмом взяли, Женьке года не было.

– Простите, вы пытались снова вернуться в семью? – Предложенные для просмотра семейные фотографии позволили Дусе задавать личные вопросы.

Потяжелевший взгляд авторитета показал – попытки были. Но – безуспешные.

– А почему сейчас Зося согласилась попробовать снова?

– Слушай, а это важно?

Редкий мужчина вот так, влегкую, берется обсуждать свои проблемы с двадцатичетырехлетними малознакомыми Дусями.

– Возможно, – пожала плечами Землероева. – Вы же хотите разобраться в том, что происходит в вашем доме. Или я ошибаюсь?

– Нет, – посуровел Мирон, – сечешь поляну.

– Тогда давайте договоримся сразу – я имею право задавать любые вопросы, вы, Александр Сергеевич, отвечаете на них с максимальной откровенностью.

Сказать по правде, Евдокия могла бы облечь выдвинутое предложение в более удобоваримую, не такую категоричную по тону форму. Клиенты у детективов всякие случались. Встречались гордецы и фанфароны вроде Саши, с такими Дуся и Паршин обращались терпеливо и мягко втолковывая правила работы частного сыска: хотите результат – выкладывайте подноготную. Если заказ примитивный, заказчик настроен только на получение постельных снимков пошалившей жены – извольте, уважаемый, все в наших руках, но потом, пожалуйста, без претензий.

Сейчас же, положив честную руку на сердце, Евдокия вывалила на авторитета слегка завышенные требования и очень надеялась, что тот если не вспылит, то хотя бы на место поставит: «Право тут имею, детка, только я».

После подобной отповеди Дусе останется только убедительно откланяться: «Простите, Александр Сергеевич, не сложилось, не пишется картина маслом, у нас с вами ничего не выйдет, не получится... Адью, ищите себе более покладистых работников, в нашем детективном агентстве существуют некоторые правила...»

В общем, курский соловей перед приоткрытой дверцей клетки.

Александр Сергеевич жевал мозгами Дусину тезу секунд пятнадцать.

И проглотил.

– Лады. Зося согласилась сделать пробный шар.

Даже это крошечное признание – жена изволила лишь попробовать, далось Миرونу нелегко. Наверное, Саше казалось, будто он перед женой «на цырлах пляшет», не привык человек под чью-то дудку коленица выделять, обычно наоборот случалось.

В дверь тихонько постучали, хозяин кабинета немного разозленно бросил «Войдите»; ресторанный официант под присмотром «секретарши» вкатил уставленный закусками сервировочный столик.

Пока расставляли приборы и еду, Евдокия суматошно изобретала, на чем еще можно подловить авторитета и отвертеться от работы. Жуть как не хотелось Дусе связываться с Сашей! Страх как не хотелось вмешиваться в его дразги и – не дай боже! – оказаться крайней.

С Мирона станется. Коли что, своих пороть не будет – вон как бережно углы обходит – отыграется на Евдокии Землероевой. Хорошо, если реально шкуру не попортит.

Может, предварительно и сразу заболеть на всякий случай? У Линки мама врач... Положит в отделение, правда хирургии, но ради дела можно и гипс куда-нибудь наложить...

Или наврать, что срочно вызвали к родственникам во Владивосток? Дядя-тетя, туда-сюда, проверить невозможно...

А если проверит, не поверит?

Полезные мысли обходили Дусину голову стороной. Красиво уложенные на тарелочках деликатесы вызывали не аппетит, а тошноту. Соглашаясь на перекус, Дуся, по совести сказать, рассчитывала между делом рот чем-нибудь занимать, брать паузу на размышление. Маслянисто лоснящиеся ломти рыбной нарезки выглядели тошнотворно, казались Евдокии застывшими пластинами рыбьего жира. Внушительная лоханка с паюсной икрой вообще лакированную собачью какашку напомнила.

– Ты, Дуся, не скромничай, наваливайся, – потчевал Мирон. Неловко действуя левой рукой, он соорудил себе многослойный бутерброд из осетрины и икры, зачавкал. – Давай, давай... Икра прошлогодняя, но самолетом из Астрахани.

Попытка номер два.

– Александр Сергеевич, я слышала, несколько месяцев назад на вас уже было покушение? Вас из автомата обстреляли. Может быть, вам и сейчас стоит искать злоумышленника не в доме, а за его пределами?

Наклоненный над столом Мирон бросил на Дусю пытливый взгляд, слегка, насмешливо, дернул уголком губ. Евдокии показалось, будто он прочел ее стремление уклониться от работы, как детскую книжку с крупным шрифтом и цветными картинками. Внутренности сыщицы сжались в плотный пугливый комок.

– Тот беспредел я разрулил. Крысу выловил и наказал. Не в тему бьешь, подруга, – усмехнулся понятиливо.

– Но все же. Врагов у вас, простите, хватает. Почему змея в автомобиле – это кто-то из своих, домашних?

Сергеевич обтер губы салфеткой, небрежно отбросил ее на край стола и ответил:

– Дом охраняется. Вся территория под камерами. Точилу подают из гаража напрямик к парадняку. Змею могли подложить только в гараже, там все свои, пройти можно и с улицы, и из дома. За полчаса до того, как я сел в тачку, горничная Верка добавила во внутренний автомобильный ящик охлажденную бутылку воды. Я пью два литра воды в день, врачи говорят – полезно. Верка бутылку клала на глазах водилы Толяна, змеи в ящике не было. Ее положили туда позже, ясным утром, когда вокруг полно народу.

Мирон прищурился, пожевал губами:

– Как думаешь, это мог сделать «кто-то за пределами дома»? Залетный, типа?

– А заползти сама гадюка не могла?

– Если только позже дверцу в машине за собой захлопнула. Ты за рулем? – внезапно поинтересовался хозяин кабинета. – Вино хорошее, налью.

Евдокия помотала головой – автомобиль она оставила на парковке перед офисом, побоявшись на нервной почве перепутать педали тормоза и газа. Александр Сергеевич налил в большой бокал белого вина и поставил перед Дусей. Себе принялся сооружать второй многоуровневый бутерброд, на этот раз с лососиной.

– Этих гадюк у нас вообще пропасть, – продолжил, не отрываясь от процесса. – Неподалеку пруд большой, когда-то там каменная змеиная горка была, эти твари в сад ползли, ну я и велел пацанам разобраться. – Мирон огорченно задержал готовый сэндвич напротив рта. – Разобрались, блин, уроды. Взорвали на хрен горку, змеи и расползлись по всей округе. – Зачавкал. – Теперь плачу по сто баксов за каждый принесенный хвост.

– В машине много всяких незаметных дырочек... – не сдавалась Евдокия.

– В «бардаке» бронированного мерина дырок нет, – отчеканил авторитет.

– Вы после покушения обзавелись бронированным автомобилем?

– Нет, он у меня давно. В тот день мерс поломался, я на бэхе с пацанами поехал. Ты, кстати, почему не ешь? – прищурился на Землероеву. Та неопределенно повела плечом, и Миронов понимающе хмыкнул: – Мандраж словила?

Демонстративно тыкать вилкой в рыбную нарезку Евдокия не стала. Руки немного тряслись, а показывать страх Дуся не хотела. Гордо выпрямила спину и твердо поглядела в насмешливые Сашины глаза: мол, думай что угодно, я не из пугливых, удар держу.

– Ну-ну, – покачал головой Александр Сергеевич и склонился над столом. – Не очкуй, Дуся, человек ребенка не обидит. Ешь давай. Если помнишь, я перед тобой в долгу, знаю, что Ефремович тогда тебе отбашлял нехило. Но за мной-то – должок. – Задумчиво поглядел на Евдокию. Как будто знал, что от него сыщики денег бы не взяли. – Сделаешь работу, получишь все сполна.

Евдокия, по правде говоря, предпочла бы заплатить сама, лишь бы избавиться от чести работать на криминального авторитета.

– Александр Сергеевич, а почему вы так уверены, что два покушения не могут быть связаны? Может быть...

– Да потому! – перебивая, разгорячился Саша. – Змея в автомобиле – это не покушение, а хрень собачья! Змея небольшая, я через двадцать минут в больничке был. Толян гадюку врачам в рыло тыкал, чтоб мне нужное противоядие кололи! – Миронов расстроено откинулся на кожаную спинку дивана, поглядел на распухшую руку, скривился.

– Укус змеи вы принимаете за мелкую пакость?

– Этих пакостей за полгода у меня немерено набралось. Обоз и маленькая тележка. Я хочу по-тихому разобраться, найти, кто эту сволочную хрень мастырит. – Дотянулся до папки, переложенной на диван, вынул из бокового кармашка какой-то листок и протянул его Дусе: – Результаты анализов. Месяц назад провел в клинике полное обследование...

Если исключить из рассказа Александра Сергеевича не вполне цензурные определения физиологических расстройств, то дело было в следующем.

В течение довольно продолжительного времени с Александром Сергеевичем происходили удивительные вещи: во время важных деловых мероприятий случался казус – едва приехав на переговоры, Миронов начинал чувствовать непреодолимое желание навестить удобства. Вместо того чтобы сидеть и внимать оппонентам, убеждать, пугать, дела разруливать – Саша мог думать только о том, как бы в штаны не надеть, не оконфузиться.

Подпирало – жуть! За час Мирон мог пробежаться до туалета трижды.

Пару раз переговоры вообще срывались. Среди пацанов пошел слухок, что Саша, мягко говоря, боится конкурентов до мокрых штанов, до медвежьей болезни. Смешки пошли. При виде Мирона глаза отводить начали.

Казус – вреднейший для авторитета человека. Александр Сергеевич, по правде говоря, и сам немного призадумался: а не сдают ли нервы? не вышел ли он в тираж? может, укатали горки, на покой пора?

Решил для начала и очистки совести сходить к мозгоправу.

Посидел пару сеансов в удобном мягком кресле, всякую аналитическую лабуду про маму и папу послушал.

Не помогло.

Пошел к терапевтам. Сдал все анализы. В моче нашли следы сильнейших мочегонных препаратов. Причем, похоже, не совсем аптечных.

– И когда все началось? – выслушав рассказ с красочными подробностями, спросила Евдокия. По всем параметрам, ловко сорванные деловые переговоры и подмоченное реноме тянули на нешуточную пакость. В доме у Мирона действительно завелся ненавистник.

– С нового года, – мрачно произнес авторитет. – Тогда же начался кипеж с соседями.

Второго января, когда к сыну и дочери приехали друзья, на территории домовладения Александра Сергеевича устроили шумный запуск фейерверков.

Пока шутихи и петарды взмывали в воздух, кто-то под шумок обстрелял из пистолета дом соседей напротив, ранил собаку, окно пристройки выбил.

Обстрел велся с территории Мирона. А в соседях у Александра Сергеевича был очень и очень непростой господин из нефтянки.

– То, что стреляли из вашего дома, установила полиция? – спросила Евдокия.

– Кому она на хрен нужна. Сами карандаш в пулевой канал на дереве вставили, примерились – стреляли из моего дома, возможно, со второго этажа.

– И кто там был?

– Да кто угодно. Гостей понаехало человек сорок – кто где был, не понять, уличные камеры от вспышек хреново работали.

– Экспертизу привлекали? Домашнее оружие с пулями, угодившими в соседний дом, сравнивали?

Евдокия сама не заметила, как погрузилась в Сашины проблемы. Мирон умел рассказывать смачно, выразительно, талантливо утягивал собеседника в нужное для себя русло, как водяной неловкую купальщицу в омут, под затопленные черные коряги.

– Ствол мой, хотя зарегистрирован на брата, лежал в выдвижном ящике письменного стола. Ящик под замком, где ключ – знали только домашние.

– Сын или дочь могли похвастаться оружием перед друзьями? Кто-то не удержался...

– И по собаке стал палить? – перебил Миронов и покачал головой. – Среди приятелей моих детей нет тупарей и отморозков. Они у меня воспитанные. Теща, типа, в ежовых рукавицах держит. Мне ту историю замаять дороже дорогого стало, теперь весь поселок волками смотрит.

Нетривиальное происшествие, задумалась Евдокия. Новогодний праздник, воспитанная молодежь, кто-то тайком забирает пистолет из кабинета хозяина дома, обстреливает соседей, оружие подкладывает назад. Мог ли все это проделать кто-то из гостей?

Навряд ли. Тут Миронов прав. Просматривается либо подготовка и хорошее знание дома, либо хмельное везение абсолютно отмороженного беспредельщика.

А наверняка каждый из гостей был в курсе, у кого в гостях находится. Тут попадешь в собаку, тебе ответом трижды прилетит.

Так что, если рассматривать ситуацию в целом: «неприятности» на деловых переговорах, обстрел соседей, змея в машине, – кто-то заточил на Сашу серьезный зуб. Причем этот кто-то из самого ближнего круга. Миронов, опять-таки, тут прав: подмешивать в еду или напитки мочегонное или слабительное, зная, что хозяин дома именно в этот день направляется на важную встречу, мог только кто-то из домашних.

И ключ от ящика с пистолетом лежал в укромном месте. А змею умудрились подложить в машину за полчаса до отъезда хозяина...

Все четко сходится на доме.

Какая восхитительная головоломка... Евдокия даже зубом прищипнула – прелесть что за интрига! Мечта любого детектива – не в щелочку подглядывать за постельными утками, а мозгой шурупить!

Эх, если бы не Саша... Поехала б в тот дом, поковырялась бы в загадках в удовольствие!.. И, может быть, бесплатно.

– Александр Сергеевич, вы говорили о какой-то «крысе» в вашем доме? Насколько мне помнится, покушение на вас произошло где-то в феврале... Может быть, этот человек и в собаку тоже стрелял?

– Нет. Он тут не при делах, – категорически заявил Мирон.

– Уверены? – подняла брови Дуся.

– Его спросили. Он не при делах.

Интересоваться, достаточно ли хорошо спрашивали того человека, Дуся, разумеется, не стала, поскольку хотела крепко спать.

Поежилась – свят, свят, чур меня, – и отхлебнула белого вина. Только вроде бы немного отвлеклась на интересную загадку, глядь – Сашина натура о себе напомнила.

Пора смываться.

– Александр Сергеевич, честно говоря, не знаю, чем могу быть вам полезна...

– Я понимаю, – перебил Мирон, – не гоню. Поедешь со мной. Познакомишься с моими домашними, потом доложишь выводы. А то у меня взгляд замылился, я скоро тещу придушу.

До судорог пугающая откровенность. Надо ноги уносить, пока есть возможность не привлекаться свидетелем по делу об удушении Инессы Сигизмундовны.

– Простите, Александр Сергеевич, я не могу...

– Не принимается. У меня нет времени искать тебе замену.

– Почему? – без всякого притворства изумилась сыщица.

– Я уже знаю, что ты не болтлива. Ни одно слово о наших терках с Зубовым не просочилось в прессу. Ты тогда себя очень хорошо показала. Искать тебе замену – другую молодую девку с трезвой головой – у меня нет ни времени, ни желания.

– Да почему именно девку-то?! Мужик вам не подойдет?! Профессионал, можно из этих...

Миронов снова не дослушал:

– В доме есть твои ровесники. Я в них ни черта не смыслю.

Дуся прямо посмотрела на авторитета, как смогла, оформила недоуменным взглядом следующий вопрос: «Неужели вы, Александр Сергеевич, думаете, что такую работу можно заставить сделать из-под палки? Я, конечно, могу с вами съездить, даже рвение изображу... Но будет ли результат?»

– Понятно, – нахмурился Миронов. – Не хочется ввязываться в мои разборки. Боишься накосячить, под раздачу угодить. – Подумал. Покивал. – Понимаю, все понимаю. Но ты мне потому и нужна, что умная, воздух как надо ноздрями втянешь и почувешь. – Он снова помолчал. – Заставить тебя я не могу, и не потому, что есть кому вступить... Против меня твои заступники мелко плавают... Но надо ли, Дуся, рогом упираться? – Авторитетный рецидивист тягуче посмотрел на девушку исподлобья. – Земля-то ведь, Дуся, круглая... Никогда не знаешь, как повернется, может, и я тебе на что сгожусь.

Упаси Господь! Прибегать к помощи таких типов, как Саша-Мирон, можно только при виде раскопанной, для тебя приготовленной могильной ямки!

– Ладно. Все. Проехали, – внезапно и резко сказал Миронов. – Забудь обо всем, что я сказал. – Встал, сверху вниз посмотрел на Евдокию и скривился. – Жаль, конечно, что не

сложилось. Не хотел я принимать кардинальных мер. Хотел по-тихому съехать, мирно... Но видимо – придется.

– Подождите, Александр Сергеевич! – Дуся заерзала. – Подождите. Вы подозреваете только своих родственников или прислуга тоже под подозрением?

– Все под подозрением, – хрипло произнес авторитет, и Дуся сразу же представила, с кого и как начнет Мирон кардинальные расспросы. Прежде чем добиваться правды от родни, он с прислуги три шкуры спустит.

Богатая фантазия подстегнула совесть и заставила Евдокию воскликнуть:

– Дайте мне подумать! Одну минуту!

– Я дам тебе больше – один день. Ответ дашь мне через сутки, после того как побываешь на месте, в моем доме.

По приказу Саши машину Дуси от агентства до дома авторитета перегнал один из его подручных. В багажнике «фольксвагена» Евдокия держала «тревожный чемоданчик» с дорожным сыщицким набором: сменный суточный запас одежды и белья, кое-что из косметики, зубная щетка. Из ресторанного офиса Евдокия выехала на бронированном автомобиле Александра Сергеевича. В дороге, то и дело бросая взгляд на нереально толстые держатели автомобильных стекол – лишь их ширина и подчеркивала бронированную сущность авто, – прослушала еще один краткий вводный курс.

Курс не коснулся непосредственно жилища, как оказалось позже – очень зря.

Сидя на удобном кожаном сиденье рядом с Сашей, Евдокия практически не задумывалась о том, как может выглядеть обиталище современного, отошедшего от дел разбойника. На ум приходило нечто отдаленно напоминающее фортификационное сооружение, помпезный мрачный замок с налетом неоготики, даже тяжеловесное кирпичное строение казарменного типа...

Действительность немало огорошила, едва автомобиль проник через ажурные кованые ворота на территорию домовладения. Жилище Александра Сергеевича Миронова было безупречным. Изящное, устремленное вверх строение с четырехскатной мансардной крышей в викторианском стиле. На повороте, когда машина огибала неимоверно привередливую круглую клумбу, мелькнули, упрятанные за дом, хозяйственные пристройки, фасад поражал чистотой линий и совершенным вкусом.

«Нормально обустраивается криминалитет», – подумала Землероева, таращась на подстриженные в форме слоников кусты, на два затейливых хвойника в горшках возле крыльца...

Шофер Толян обежал машину и открыл дверцу перед шефом. Миронов воспитанно помог даме выбраться из салона. Землероева пока удерживала изумление в узде и делала вид, будто ни капельки не поражена отменным видом парка в английском стиле, ровностью лужаек и домом в целом.

Десяток ступеней пологого широкого крыльца под прозрачным козырьком навеса довели ее до высоченной стеклянной двери, оформленной причудливыми коваными завитушками. Тяжелую створку перед хозяином и гостьей распахнул чинный седовласый господин с повадками и статью старого аристократа.

Улыбнувшись на степенное приветствие, Евдокия и перед этим господином удержала зубы сцепленными. Челюсть уползла вниз, когда мадемуазель Землероева немного огляделась непосредственно внутри.

Как и разбитый перед жилищем парк, интерьер дома был выдержан в безупречном английском стиле, позволяющем грамотно дозированное смешение эпох и стран, придающем комнатам налет колониальности. Так расписанная журавлями шелковая ширма из Юго-Восточной Азии соседствовала с африканской статуэткой. Китайская бело-голубая фарфоровая ваза стояла на бронзовой подставке времен европейского Средневековья.

На стенах – писанные маслом старинные картины в соответствующих рамах.
Эклектика, короче.

Но кто бы мог подумать... Откуда это все у Саши?!

Или здесь одни подделки, новоделы?

Евдокия суматошно перебирала в памяти все, что успела узнать об Александре Сергеевиче. Лепила Саше новую личину.

Может быть, Сергеевич на нары загремел за подпольную торговлю антиквариатом? Краденые раритеты покупал?.. Исторические ценности за границу транспортировал?

Нет, вроде бы он говорил, что второй срок словил за «хулиганку».

В голове не укладывается. Саша что – набил кому-то морду на антикварном аукционе?!

Миронов с легкой усмешкой наблюдал за реакцией гостя.

– Не ожидала? – спросил с прищуром.

Евдокия честно согласилась и мотнула головой. Миронов добродушно ухмыльнулся:

– Не шеруди решалкой: мне это все в наследство обломилось. – И кратко, в несколько предложений, рассказал историю невероятного обретения дома, забитого антиквариатом получше большинства провинциальных музеев.

Дополненная богатым Дусиным воображением, история выглядела так.

Во времена второй отсидки, когда Саша уже в большом авторитете был, в барак доставили нового сидельца – «перепуганного сморчка» антиквара, «сгоревшего» по валютной статье.

Саша «сморчка» пригрел. Подружился с Яковом Альбертовичем и не дал братве раздирать хитрого дельца на денежно-валютные составляющие.

Позже, уже на воле, дружба предсказуемо окрепла на почве не совсем законных раритетных махинаций дяди Якова. Миронов крышевал антикварный бизнес дяди, помогал решать проблемы с чрезмерно надоедливymi, охочими до взяток чинушами, раздуливал иные неприятности.

Два года назад у дяди обнаружили рак легкого. Не желая оставлять коллекцию ненавистному отечеству, мешавшему вольно скупать все подряд и отправившему на нары, где Яков туберкулез заработал, Альбертович отписал все Саше.

– А почему, если уж так родину ненавидел, Яков Альбертович за кордон не перебрался? – резонно поинтересовалась Дуся.

– А кто он там? – усмехнулся Саша. – Никто и звать никак, своих девать некуда. Все подвязки у Яши в России, без дела человек жить не мог, крутился понемножку...

«Понемножку», – разглядывая деревянную обшивку стен, строгую потолочную лепнину, саркастически подумала Дуся.

И кое-что об Александре Сергеевиче поняла: один из залов дома, судя по хьюмидору и пепельницам, – курительная комната, невероятно напоминал отделку ресторанный офиса Мирона (там все, правда, шибко отдавало Голливудом, поскольку Саша расстарался с перебором). Сейчас Дусе показалось, что в этом проглянуло подражательство и некоторая зависть; с дома своей мечты Миронов без стеснения слизал интерьер кабинета и закупил для пушей важности новоделов – стенки украсить.

А здесь подделок нет, пожалуй.

– Все сплошь богатство нации, – оценила сыщица.

– Которое чинуши наполовину разворовали бы, – воткнул Сергеевич. – Это все, Евдокия, сохранить – взвод охраны нужен. Яков знал, кому оставить.

С потолочной лепнины Дуся перебросила взгляд на миниатюрные, едва заметные камеры наблюдения под потолком над входом. Еще пару камер заметила над пролетом лестницы, ведущей на верхние этажи дома.

Солидно. Серьезно. И очень обременительно.

Пожалуй, от этих соображений Яков Альбертович прежде всего и отталкивался. Симпатии при подобном собрании антикварных редкостей вторичны и не совсем существенны. Саша навряд ли займется расчленением и распродажей привередливо собранной коллекции, оставит все нетронутым и сбережет.

– Вы здесь оставили все, как было при Якове Альбертовиче? – не сумев скрыть уважение к бережливости авторитета, поинтересовалась Евдокия.

– Почти. Фарфоровые статуэтки пришлось припрятать под стекло. Кот, зараза, уже две кокнул. Реставрируем.

Котам в музее делать нечего, мысленно соперживая богатству нации, посетовала Дуся. Как-никак в России раритеты остались, а кота за причинение ущерба за уши потрепать.

Как по заказу, тощий – по требованию породы – ориентальный кот возник в устрашающей близости от бело-голубой китайской вазы. Изгибая спинку “шпротного” окраса, котяра обогнул тяжелую медную подставку, потерял усами о выгнутые ножки...

– А ну... – тихо, но гневно зашипел Александр Сергеевич, – пшел отсюда!

Кот – ноль внимания. Видно, не знал об авторитетности хозяина подставки и вазы, даже полосатым ухом не повел. Презрительно задрал хвост и независимо побрел в глубь дома.

– На гобеленах, сволочь, начал висеть, – хмуро глядя на независимый кошачий зад, пожаловался Александр Сергеевич. – Как только теща забудет когти постричь, все – висит, гаденыш!

Кот, как догадалась Евдокия, принадлежал Инессе Сигизмундовне и мира в дом не добавлял.

В связи с догадкой еще немного удивилась. По ее понятию, в манере Саши-Мирона было бы поддать начищенным ботинком под самодовольный кошачий зад, но с ним происходили странные метаморфозы. Как несколько часов назад Александр Сергеевич оставил за дверью ресторана политес и обращение на вы, так и теперь, попав под крышу дома, внезапно и довольно видимо очеловечился. Оставил у крыльца пугающую Дусю внутреннюю сосредоточенность, расслабился, раскрепостился, вон – в коте врага увидел... Даже жалуется на зверюгу...

– Где Вера? – воткнулся в Дусины размышления хозяйский голос Саши. – Вещи Евдокии уже доставили? Комнату приготовили?

Чинный господин, приданный входной двери и десять минут назад представленный гостю как «мажордом Лев Игнатьевич», величаво пробасил ответы в обратном порядке:

– Комната готова. Багаж доставлен наверх. Вера сейчас будет.

– Вера покажет тебе комнату, – обращаясь к Дусе, произнес Миронов, – ты там оглядись, если что не так, звони мне на мобилу, я буду в...

Где собрался обретаться новоиспеченный хозяин дома-музея, Евдокия так и не узнала.

Появилась Вера. Невысокая крепенькая девица в белом переднике и с кружевной наколкой на волосах цвета выгоревшей соломы. Неопределенно-серые глаза горничной испуганно посверкивали, аккуратный веснушчатый носик немного покраснел.

– Что-то случилось? – сразу почуял неладное хозяин.

Вера неловко скособочила плечо, устроила на лице выражение «как бы вам сказать, Александр Сергеевич»...

– Что?!

Серые Верины глаза метнулись под потолок. Отлично знакомый с расположением верхних покоев, Миронов верно угадал направление.

– Анна? Что с ней?

– Плачет, – кратко отчиталась горничная, и Миронов с распахнутыми, словно крылья, полами темного костюма полетел по лестнице, прыгая через несколько ступеней.

Вера заспешила следом. Евдокия не отстала.

На стене вдоль лестницы висели старинные полотна. Дуся мельком ознакомилась с жанровой фламандской живописью. Немного обалдела: «Если ТАКОЕ вдоль лестницы висит, что ж экспонируется в парадных залах?!»

Подвалило Саше, ничего не скажешь... Галерейщики, поди, все локти искушали.

Компания из хозяина, горничной и гостя резво проскочила по анфиладе второго этажа (Землероева на ходу полюбовалась видом на английские лужайки, сумасшедше красивым балкончиком с ажурными коваными перилами). Миронов распахнул большую дверь в спальню дочери.

– Анна? – сказал почти спокойно. – Что случилось? Тебя обидели?

Стройная, акварельно-нежная, юная блондинка с худенькими вздернутыми плечами сидела на большой (скорее всего, музейной и великовозрастной) кровати и крепко обнимала большого игрушечного мишку с мокрым от слез плюшевым ухом. Ухо, по всей видимости, использовалось в качестве платка.

– Пап, отстань!

– Я тебя еще раз спрашиваю, – посуровел Мирон. – Тебя обидели?

– Господи! – отшвыривая медведя, распрямилась девушка. – Да кто меня обидит?!

«Двух дней не проживет», – мысленно внесла ремарку Дуся.

Из-за плеча Александра Сергеевича работяга-сыщица во все глаза рассматривала «девичью светелку», способную породить самую черную зависть у самой лучшей подружки.

Отпад. Неизвестно для кого холостой и бездетный дядя Яша готовил это помещение, на ум приходило только одно – денег некуда девать, и на досуге Яков предавался дизайнерскому творчеству. Привередливо выбирал шелковые полосатые обои, развешивал по стенам картины с букетами цветов (кажись, тоже фламандских кистей будут), расставлял изящную светлую мебель времен королевы Анны. Обои подобрал в тон обивке стульев и канапе на гнутых ножках. Шторы на окнах – упасть и умереть!

На капризный будуарный столик инородной летающей тарелкой приземлился раскрытый ноутбук.

– С подругой поругалась, двойку получила – доволен?! – разошлась тем временем зареванная обитательница антикварных покоев.

Вполне очеловеченный Александр Сергеевич (вероятно, не сильно преуспевший на ниве культурного общения с молодежью) обескураженно смотрел на дочь:

– Какая двойка, ты ж уже не учишься...

– Папа! Я могу побыть одна?! ПОЖАЛУЙСТА.

Миронов пожевал губами и, не собираясь оставлять последнее слово за дочерью, сказал:

– Ужин в семь. Не опаздывай.

– Я не хочу!

– Придешь, послушаешь, что я хочу сказать, потом реви сколько влезет.

Миронов резко захлопнул дверь. Дуся и Вера едва успели отскочить к подоконнику.

– Дети, – глубокомысленно, под нос, пробормотал папаша. Невидяще посмотрел на гостью и прислугу: – Чего я там?.. Ах да. Вера, где Алевтина?

– Где-то здесь, – бодро и бестолково отчиталась горничная. – Позвать?

– Нет, покажи сама Евдокии голубую комнату. Объясни там все... – Отвлекся на раздавшийся с другого конца анфилады легкий, быстрый перестук женских каблучков. – Та-а-ак, – пробормотал, – коршуны слетаются.

Как немного позже убедилась Евдокия, один из показанных в ресторане снимков оказался крайне удачным: фотограф поймал Миронову тещу в очень характерной позе. Нахохлившаяся Инесса Сигизмундовна, сложа цепкие подагрические пальцы перед грудью, опиралась задом на тумбу и в тот момент реально напоминала оголодавшего вислоносого грифа со слегка опухшими красными веками, присевшего на сук над трупом.

Так что упоминание коршунов прозвучало к месту. Шагающая по анфиладе Сигизмундовна походила на несущуюся вперед птицу: каре угольно-черных волос придавало сходство уже не с грифом, а с растревоженной вороной или грозным коршуном.

– Валите отсюда, – тихонько порекомендовал Мирон горничной и Дусе и всем телом развернулся к теще.

Вера бочком поструилась вдоль окон, Евдокия позволила себе разочек оглянуться.

Краем глаза зацепила сцену встречи Сигизмундовны и зятя, поняла, что никаких дополнительных расспросов относительно расклада сил в этом доме уже не требуется: зять и теща находились в открытой и непримиримой конфронтации. Застыли возле двери в комнату Анны и молча буравили друг друга взглядами. Не исключено, что ясновельможная родственница намеренно провоцирует ненавистного зятя на громкие скандалы, уходя, подумала Землероева.

Едва оказавшись на лестнице, Вера шумно, всей грудью вдохнула воздух. «Пронесла нелегкая», – читалось в этом вдохе.

– Воют? – не для сбора информации, а для завязки разговора поинтересовалась Дуся.

– Ну как сказать, – вильнула вышколенная горничная. Тут же, вероятно, вспомнила, что хозяин уже оговорился относительно слетающихся коршунов, и добавила: – Бывает иногда...

Саша, по всей видимости, еще не объяснил домашним и прислуге, кто такая Дуся Землероева и почему поселяется на третьем мансардном этаже. Вера поглядывала на сыщицу настороженно, пыталась угадать: не родственница ли к хозяевам приехала? как с ней себя вести?

Если бы пять минут назад Евдокия не заглянула одним глазком в комнату Мироновой дочери, то однозначно бы решила: Александр Сергеевич решил сразить потенциальную наемницу наповал и сразу шиком предлагаемых апартаментов.

Просторная светлая комната с высоким мансардным окном напоминала будуар маркизы Помпадур. Вдоль стен, обитых чем-то атласно посверкивающим, расположилась мебель в стиле Людовика Пятнадцатого, кровать манила лечь под балдахин, и обязательные для дамской комнаты, писанные маслом букеты цветов в серебристых рамах.

– Я вашу сумку без приказа не распаковывала, – говорила Вера. – Помочь вам вещи разложить?

– Обойдусь, – заторможенно пробормотала Дуся и пощупала портьеры. «Офигеть, никто и не поверит, если не сфотографирую!»

– За этой дверью ванная комната. – Зацепив пальцами почти незаметную пупочку, горничная распахнула невысокую створку. – Здесь, правда, немного холодно... Комнатами редко пользуются. Но я сейчас включу автономный обогрев ванной, и станет теплее. Пойдемте, я покажу, как климатической установкой пользоваться.

Дуся прошла в дверцу. И тут-то, как ни удерживалась, снова разинула рот.

Прежний хозяин дома имел-таки дорогостоящее хобби: все помещения дома Яков Альбертович отделявал с непередаваемо тонким вкусом, в стиле разных эпох и стран. За спиной Евдокии остался французский будуар, ванная напоминала античную купальню.

Потолок и стены облицовывал нежный, как будто с налетом древности, бежевый мрамор в паутинчатых кракелюрах. Утопленная в молочно-белый мраморный подиум ванна походила на миниатюрный бассейн с крохотными впадинками-ступенями.

– Вот тут, в углу, есть душевая кабинка, – говорила между тем Вера. – Если нажать на эту панель, створка в сторону уйдет...

О том, куда и как нажать, Евдокии пришлось уточнить дважды и чуть позже. Пока же Дуся глаз не могла оторвать от плавных изгибов мраморной купели!

Миниатюрный бассейн находился как будто в алькове. В ногах купели выдолбили основательную нишу. В нише стоял полукруглый подсвеченный аквариум, дно которого щедро застлало крупные розовые «жемчужины» с вкраплениями голубых и изумрудных прозрачных камушков. Поверх всех этих «драгоценностей» носилась живая (!) красная рыбка.

И эта рыбка поразила Дусю больше всего.

Евдокия уже представила, как вечером разляжется в купели и будет любоваться аквариумом в ногах.

Реально – умереть, не встать!

Горничная подошла ближе, наморщила конопатый нос.

– Понравилось?.. Так холодно же... – выразилась мудро. – Камень. Нет, чтоб фаянс.

– Ванна долго нагревается?

– Ну-у-у... Вода минут пятнадцать набирается. Инесса Сигизмундовна тоже здесь купаться любит, пока воду набирает, обогрев включает, как раз одновременно получается. Пока вода нальется, комната и ванна прогреваются. Зимой обогреватели везде работают, теплее получается, а летом надо автономно подключать.

– Покажите мне, как пользоваться обогревом.

Никакой холод не заставил бы Евдокию отказаться от купания в эдакой прелести, от любования рыбкой, от созерцания псевдо (или вправду?!) античных мозаик на стенах!

Вера выполнила просьбу и продолжила экскурсию:

– Здесь шкафчик с полотенцами и купальными халатами.

В «шкафчик» поместились бы все наряды запасливой Дусиной мамы.

– Здесь фен. Шампуни, ароматические масла...

В безденежье, продав шампуни и масла, Миронов мог бы прокормить семью в течение двух месяцев.

– А это что за дверь? – заметила Евдокия бронзовую ручку напротив входа в будуар.

– Там вторая гостевая спальня. Мужская. Хотите посмотреть?

Конечно!

Вера распахнула дверь в смежное помещение, и Евдокия попала в квадратную комнату с тяжеловесной мебелью, где коричнево-бордовая отделка стен, казалось, впитывая, поглощала свет.

– Эти спальни мы называем семейными, для парочек, кому храп спать мешает. Тут даже ключ один и тот же подходит, – болтала Верочка. – Ваша спальня – голубая, женская. Тут – мужская. Мы ее не любим.

– Почему?

Горничная привычно наморщила конопатый нос:

– Да мрачно как-то.

– Пожалуй, – согласилась Дуся и потопала на свою половину.

Сегодня, что бы ни случилось, она уж тут поплавает! В маслах. Окруженная ароматическими свечами.

В будуаре, распахивая шторы во всю ширь, стояла спиной к вошедшим невысокая женщина в платье цвета, отдающего богоугодным заведением: серая холстина. Судя по мягким складкам на рукавах, холстина была не из дешевых. Рыжие, как будто стрептоцидом крашеные волосы женщины плотно стягивали уши и собирались на затылке в крепкий кукиш.

– Алевтина Викторовна, – окликнула горничная. – А я уже все показала.

Алевтиной Викторовной звали экономку господ Мироновых. И именно с ней, если не считать родственников хозяина дома, Евдокия хотела познакомиться больше всего.

Во время путешествия с Александром Сергеевичем от ресторана до дома Евдокия попросила его рассказать о февральском покушении. Разговор зашел не случайно, Дуся выразила удивление, почему среди приближенных нет ни одного узнаваемого по прошлогодней встрече лица – Мирон сменил охрану, оставил только «секретаршу».

Криминальный воротила ответил без охоты:

– С февраля пришлось сменить. Крысой был Патрон, бригадир, он за пацанов отвечал.

Натужный, неохотий рассказ сводился к следующему.

Правая рука Мирона – Патрон решил, что один из синонимов прозвища ему подходит больше. Не захотел Патрон быть бессловесным куском свинца в оболочке из гильзы – лететь, куда прикажут. Подумал, что значение «патрон-шеф-босс» его натуре и возросшему авторитету соответствует гораздо больше.

В рассказе Мирон обмолвился: «Тут мне наследство обломилось, людей жаба начала душисть». (Позже Дуся поняла, о каком наследстве речь.) Мирону кинули предьяву – поделись.

Он поделился. Заслал в общак сколько потребовали.

Но не всем это понравилось. Кое-кто подумал, что маловато будет, зажрался Саша, не по понятиям живет.

Утром шестого февраля Патрон незаметно повредил клемму на аккумуляторе бронированного «мерседеса» шефа. Расстроенный Толян впопыхах не смог поломку обнаружить, и Мирон поехал в офис на БМВ охраны.

Как только автомобиль выехал за ворота, Патрон набрал на мобильнике какой-то номер и сообщил: «Порядок. Он выехал на бэхе, ждите через десять минут».

Эти слова случайно услышала экономка Алевтина Викторовна.

Что-то в тоне и секретности Патрона ей не понравилось.

Недолго думая Алевтина позвонила на мобильник хозяину и сигнализировала.

Мирон насторожился.

Еще раньше он опытным чутьем просек, что в воздухе гроза и начал везде возить с собой бронезилет в портфеле. Пацанов тоже заставлял «наряжаться», но те упрямылись.

Размышляя над тем, реальна ли тревога, поданная экономкой, Александр Сергеевич потянулся к портфелю, но достать и надеть броник не успел. Не хватило времени приказать шоферу остановиться и «нарядиться» тоже: наперерез машине из придорожных кустов выскочили автоматчики.

Если б не предупреждение Алевтины, автоматные очереди накрыли бы всю компанию. Но настороженный звонок Саша их все-таки засек, успел крикнуть шоферу охранной машины: «Шухер, Леха!» – и водитель резко выкрутил руль; Мирон, как смог, прикрылся портфелем – голову и грудь от очереди бронезилетом заслонил.

Водитель погиб на месте, машина – в решето. Раненый охранник не позволил подойти к автомобилю и добить в упор, отстреливался. Одного из киллеров ранил.

Едва затихли очереди, Миронов позвонил домой и приказал скрутить Патрона.

Бывший подручный выдал заказчиков, соблаздивших его сменить синоним прозвища.

– Ту тему я закрыл, – хмуро подытожил Саша. – Всех корешей Патрона из дома убрал. Так что теперь оттуда не сквозит.

Дуся недолго подумала об участии предателя Патрона, о том, какие наказания можно считать адекватными за отданных под автоматные очереди товарищей...

Решила не сосредотачиваться. Навряд ли «крыса» был примерным гражданином, в среде Мирона таких нет. Поежилась и спросила о другом:

– Алевтину Викторовну я могу исключить из числа подозреваемых априори?

– Это с какой же радости? – нахмурился Саша.

– Она вам жизнь спасла. Вы что – и ее подозреваете?

– Я всех подозреваю, – глядя прямо перед собой, ответил авторитет, и Дуся совершенно ему поверила. Возможно, Саша сам себя перед зеркалом каждое утро допрашивает. Пытает тупым бритвенным прибором.

Кошмарное, кстати, видение: Александр Сергеевич с окровавленной бритвой в руках.

Продолжать путешествие до дома Саши хотелось все меньше и меньше, но раз уж влезла... Посмотрим, что можно сделать для тех, кого напугают далеко не затупившимся лезвием.

Или, может, ну их всех на фиг? Лечь в больницу, профилактически аппендикс удалить...
Поди, все в доме знают, с кем связались, на кого работают...

Интересно посмотреть на Алевтину, спасшую для общества такого монстра.

Алевтиной Викторовой оказалась вполне благонадежная с виду стрептоцидовая тетенька. На Дусю тетенька смотрела строго, поджимая губы, уменьшенные сильными линзами очков глазки втыкались в гостью колючими булавками.

Одугловато-серое лицо экономки, прямая посадка головы с выставленным вперед тяжелым подбородком навевали Дусе образ твердокаменной гранитной бабы. Хранительницы скифов.

Вера твердокаменно-гранитную экономку ощутимо опасалась, лебезила:

– Я тут все объяснила, показала – могу идти?

– Ступай, – соизволила отпустить подчиненную строгая Алевтина. Глянула на Землереву и стала несколько любезней: – Вам все понравилось? Останетесь здесь или другие апартаменты глянете?

– А их тут много?

– Хватает, – кивнула Викторова.

Евдокии почему-то показалось, что экономке Саша все же доверял и кое-что сказал о госте.

– Хотите посмотреть?

– Нет, благодарю, – чинно отказалась Дуся. – Могу я с вами поговорить?

Еще по дороге к дому Евдокия решила начать расспросы с женщины, зимой спасшей жизнь хозяину. Тогда экономка показала себя человеком бдительным, смекалистым, с воображением. Один раз она уже проявила себя верной и надежной работницей, и, что бы там ни думал параноик Саша, некие дельные соображения у преданной прислуги могли появиться и теперь.

Алевтина Викторова недоуменно задрала подкрашенные коричневые ниточки бровей. О чем-то там подумала и мотнула яркой головой.

– Алевтина Викторова, Александр Сергеевич попросил меня разобраться во вчерашнем происшествии. Я бы хотела услышать ваше мнение. Как думаете, кто мог подбросить змею в автомобиль?

Гранитно-серый лоб экономки пошел морщинами, глаза сосредоточенно нырнули в недавнее прошлое...

– Утром, как раз в это время, происходит смена караула, – произнесла она задумчиво. – Уборщицы, из тех, что полы и стекла моют, уже приехали... На кухню продукты доставили... Садовник пришел. – Замолчала.

– То есть, – подтолкнула мысли экономки сыщица, – с одной стороны – народу много, с другой – все туда-сюда снуют и можно незаметно затеряться.

– Да. Но только не чужому. Чужого человека заметили бы мигом. Александр Сергеевич в этом смысле очень строг – никаких посторонних людей на территории быть не должно.

– А с обратной стороны можно незаметно пройти?

Из окон, выходящих на тыльную сторону дома, Евдокия успела заметить только невысокий, заросший кустами заборчик и прекрасный вид на пруд и дальний лес.

– Там все под сигнализацией, – твердо проговорила Алевтина. – Мышь не проберется.

– А если представить, что пробралась? Мог кто-то незаметно с той стороны дома попасть в гараж к автомобилю?

– А Толя куда делся? – усмехнулась рыжая экономка. – Он всегда возле машины крутится, сигнала на выезд ждет.

– И курит в гараже?

– Нет, рядом, за дверь выходит.

– То есть, пока Анатолий перекуривал на свежем воздухе, кто-то мог подойти к машине через дверь из дома?

Алевтина саркастически ухмыльнулась. Дуся поняла, что та не верит версии – змею принесли из дома хотя бы в мешке. Решила: зайдем с другого конца, не от возможности, а от исполнителя.

– Кто из домашних, по вашему мнению, Алевтина Викторовна, способен поймать змею? Упрятать гадюку до поры до времени в мешок и потом вытряхнуть ее в ящик в салоне «мерседеса»?

– Ну, этого-то я и вправду не знаю! Поймать змею... Потом ее в ящик переложить... У нас тут змееловов нет. Парни, правда, иногда гадюк ловят и хозяину приносят. Но уже дохлыми, лопатами разрубленными. Живую вряд ли кто словить отважится.

– И я о том же, – задумчиво пробормотала Дуся. У змей отличная реакция, искать, пожалуй, надо человека с подобными характеристиками: с хорошим глазомером, стремительными руками и крепкими нервами, поскольку злоумышленник ничем себя не выдал, хотя рядом находились хорошо знающие его люди. – Алевтина Викторовна, а как вы догадались в феврале, что Патрон готовит покушение на вашего хозяина?

– Как догадалась? – вспоминая, переспросила экономка. – Да очень просто. Вы б не догадались, если парень, как только Александр Сергеевич уехал, под лестницу прячется и тихонько, прикрывая телефон ладонью, сообщает кому-то о его выезде?

– Не знаю, – честно призналась Евдокия. – Я бы могла подумать, что... Патрон, например, журналистам информацию сливает.

– Ага. Как же, журналистам... – хмыкнула экономка, но задумалась. В глазах мелькнуло уважение к соображалке Дуси. – У нас тут журналистов быстро отваживают, да и Патрон за гроши пачкаться б не стал – Александр Сергеевич платит хорошо.

Резонно. Алевтина Викторовна гораздо лучше Дуси расставляет точки над буквами. Действительно, в сравнении с зарплатой от Мирона мзда от желтой прессы – сущие гроши. Головняка больше наберется.

У экономки быстрые мыслительные реакции.

Вот только слабые глаза и возраст... Да и зачем подкладывать змею в машину человека, которому недавно жизнь спасла?.. Может быть, за последние месяцы какие-то обиды накопились?

– Алевтина Викторовна, а вы довольны своей работой?

– Очень. Раньше я работала в Испании, но и там получала меньше.

– Кто распоряжается прислугой, вы или мажордом?

– Я. – И усмехнулась с благодушной вредностью. – Игнатъевич только грудь колесом выгибает.

– Александр Сергеевич оставил на работе тех, кто прежде был и у Якова Альбертовича?

– Нет, с тех времен остался только Лева.

– То есть... вы, горничные, повара нанимались сюда одновременно и не так давно?

– Ну да.

– А почему Александр Сергеевич рассчитал прежних работников? – Дуся намеренно избегала обидного, на ее взгляд, слова «прислуга».

Экономка повела плечами и рассказала. Дуся кое-что прочла между осторожных верноподданнических строчек и восстановила целостную картину.

Еще несколько лет назад, бывая гостем в этом доме, Александр Сергеевич испытывал зависть не только к интерьерам дяди Яши, но и к его отменно вышколенной прислуге, элегантному, как лорд, мажордому Леве, изысканным кушаньям от повара Ильи, безукоризненным рубашкам и надраенным стараниями горничных ботинкам. На вазах-шмазах – ни пылинки теми же стараниями.

Получив всю эту прелесть в наследство, Александр Сергеевич людей, разумеется, оставил тоже.

Но... Повар стал давать рекомендации и слишком часто упоминать тонкий вкус прежнего работодателя. (Выпендривался, типа, не по чину, меню сам составлял.) И вылетел отсюда первым, дав в то же время Миرونу повод задуматься: а не сравнивает ли перешедшая с наследством челядь его повадки с манерами антиквара Яши, не зубоскалит ли в подсобках за спиной?

Мысли эти застряли в голове Мирона ненадолго, в прошлом ноябре Сергеевич прислугу рассчитал. Оставил только неприятязательного садовника Гавриловича и не смог отказаться от важного мажордома: когда тот гостям из бывшей братвы двери открывал, повзрослевшие пацаны рты как дети, на фиг, разевали!

– Алевтина Викторовна, я слышала, в новогодние праздники от вас кто-то соседский дом обстрелял? Есть какие-нибудь предположения по этому поводу?

– Молодежь, – категорически, одним словом ответила экономка.

– Но ключ хранился в потайном месте.

– И что? Женя похвастался или Аня кому-то показала.

– То есть самих детей вы исключаете?

Алевтина поджала губы. Дуся расшифровала мимику как «никого я тут не исключаю, но сплетничать не буду».

– Кто-то из соседей бывает в этом доме?

– Ну-у-у... – нагоняя туман, засмушалась экономка. – Все равно ж узнаете... Васильевич иногда стал заходить... Но это если только хозяина нет дома!

– А кто такой Васильевич?

– Сосед. Рядом, через забор живет. Александр Сергеевич его недолюбливает – Николай Васильевич прошлым летом шибко разорвался, когда ребята змеиную горку взорвали. Предупреждал, что теперь с гадюками хлопот не оберешься.

Так-так... О змеях, значит, сосед переживал?... (И, впрочем, совершенно справедливо.)

– И к кому он ходит?

Экономка отошла к кровати, с демонстративной привередливостью и неторопливостью расправила-разгладила ладонью незаметную складочку на покрывале. Распрямилась:

– Заболталась я тут с вами, а мне еще на кухне проверять.

– Да-да, Алевтина Викторовна, простите. – Тащить клещами правду о секретных, в отсутствие хозяина, встречах кого-то из домочадцев Саши, скорее всего, бесполезно. – Потом еще поговорим?

Викторовна развела руками: мол, кажется, я все сказала – чем смогла... Дуся отпустила верную работницу, вздохнув всей грудью, – жаль. Придется доискиваться правды иными путями. Хорошо бы остальные жители этого дома не были так верноподданнически скрытны.

Хотя... чего ж тут привередничать? Для первого знакомства и Алевтина выболтала вполне достаточно. К змеям, кажется, привязывался некий гринписовец-сосед.

Но прежде чем делиться с Сашей предположениями, с Николаем Васильевичем стоит познакомиться – наверняка приличный дяденька окажется. Природу бережет.

А как насчет бандитов? Пусть и бывших. Бережет их дяденька, перекрестится, подкидывая змею в соседскую машину? Там ведь могли и детей везти, и женщин...

Плохие шалости. Пусть даже будет и Гринпис.

За ужином Миронов представил родственникам Дусю. И сделал это так, что у родни, без исключений, вытянулись лица, а у детей заинтересованно заблестели глаза.

– Прошу минуточку внимания, – сказал Сергеевич, когда все еще слегка заплаканная Аня наконец-то спустилась в столовую. – Это – Евдокия. Она частный сыщик. Я попросил ее разобраться во вчерашнем происшествии. – Сигизмундовна что-то фыркнула, собираясь обре-

зять зятя на лету... Не получилось. Мирон умел морозить взглядом языки (даже у тещи). – И сразу оговорюсь. В прошлом году Евдокия спасла мне жизнь. Я у нее в долгу. Так что прошу относиться к ней и ее работе с уважением. – Дальше, кивками указывая на каждого родственника, назвал их поименно.

Евдокия тушевалась и алела щеками.

Никак не ожидала, что Миронов мало того что вспомнит ее доблести, но еще и вслух произнесет: «Жизнь спасла»... Из песни слов не выкинешь, спасла, конечно, но теща Сигизмундовна за этот подвиг спалила щеку Дуси гневным взглядом. Пришлось суматошно размышлять над тем, что в связи с только что сказанным отвечать на расспросы родни. Жены, например. Прошлогодняя история напрямую касалась амурных походов Саши, а нынче он на испытательном сроке.

Подставил Саша Дусю. Наверное, хотел как лучше.

...Подросток Женя без всякого стеснения пялился на Евдокию с восторженным, чуть недоверчивым недоумением. Анна заинтересованно прищурилась по тому же адресу. Пани Зося, медленно снимая с серебряной вилки кусочки, задумчиво жевала.

Глубокомысленный и образованный брат Александра Сергеевича Денис исследовал пунцовую сыщицу с видом энтомолога, заполучившего редчайший экземпляр жука. Левая рука Дениса висела плетью. Миронов рассказал, что в детстве брат упал с дерева, расшибся и теперь, как ни стараются врачи, рука сохнет.

Евдокия незаметно, из-под ресниц, наблюдала за женой Миронова. Красивое, худощавое, пожалуй, даже изможденное лицо с четко обозначенными скулами приковывало взгляд. Оно казалось маской. Или даже клеткой. Для глаз. Огромные, угольно-черные очи порой полыхали из-за невидимой решетки!.. – и тут же безразлично тухли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.